

И. И. Лещенко

доцент кафедры теории и истории государства
и права Донецкого национального университета,
канд. ист. наук

Л. В. Лещенко

студентка Донецкого национального университета

**СОБОРНОЕ УЛОЖЕНИЕ 1649 г. — ПРОБЛЕМЫ НАРУШЕНИЯ
СИМФОНИЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В РОССИЙСКОМ
ГОСУДАРСТВЕ**

Ключевые слова: симфония властей, диархия, православная монархия, православие.

В свете современных евроинтеграционных процессов, которые непосредственно коснулись Украины и России и вызвали столь разную реакцию, обращение к истокам государственно-правовой традиции и осмысление религиозной основы власти являются актуальными и позволяют не только оценить современную кризисную ситуацию, но и возможно спрогнозировать её дальнейшее развитие. Обращаясь к феноменальному опыту византийских и русских церковно-государственных отношений, важно знать, что их определяла симфония властей, в соответствии с которой между государственной и церковной властями предполагалось достижение согласия (гармонии) и сотрудничества (синергии) во всех сферах. Это исходило из особой природы византийской верховной власти, которая, согласно Эпанагоги, считалась диархической (двойственной). По мнению историка Г. В. Вернадского, для византийской диархии, в отличие от диархии римского принципата (император и сенат), состоящей только из гражданских властей, характерен другой тип — «двоица Эпанагоги — Царь и Патриарх». Они представляли не разные власти, а «две главы одного и того же церковно-государственного тела. Лишь обе главы вместе знаменуют собою полноту . . . верховной власти» [1]. Главное отличие состояло в двойственном характере светской и духовной власти. Ученый-византолог Г. А. Острогорский также признавал диархическое учение Эпанагоги «отражением фактического взаимоотношения светской и духовной власти» Византии [2, с. 127]. Византийский опыт церковно-государственных отношений позволяет определить проблемы соблюдения и нарушения симфонии властей в России.

В последнее время различные аспекты этой темы все более привлекают внимание современных ученых: Т. Н. Седых, В. Д. Черных, А. Малер, Н. С. Козьяковой, Л. Ю. Костогрызовой и др. [3]. Исследуя многочисленные проблемы симфонии властей они не только по-разному их трактовали, но и исключали важные аспекты полностью,

---

© *И. И. Лещенко*

© *Л. В. Лещенко*

в связи с чем и возникает необходимость изучить указанную проблему. Несмотря на опубликованные автором статьи по данной теме [4], где акцентировано внимание на причинах и последствиях нарушения симфонии властей, этот аспект требует отдельного анализа.

Целью статьи является определение и анализ нарушений в разных сферах симфонических церковно-государственных отношений, законодательно закрепленных в Соборном уложении 1649 г., для обозначения их определяющей роли в искажении диархического характера правления и в возникшем кризисе симфонии властей.

В середине XVII в. в церковно-государственных отношениях России сложилась парадоксальная ситуация, когда на фоне сохраняющихся достаточно тесных взаимоотношений церкви и государства произошли существенные изменения, повлекшие к последующему уничтожению как симфонического правления, так и самого монархического уклада. Нарушение симфонии властей было инициировано царской властью и в соответствии с тенденцией расширения своей законодательной деятельности и стремления подчинить правовой регламентации как можно больше сторон общественных и государственных отношений закреплено законодательно в самом главном документе — Соборном уложении 1649 г., которое стало первым полным сводом законов, действовавшим на всей территории государства.

Это происходило по аналогии с Византией, где соблюдение симфонии властей и соответственно её нарушение осуществлялись по двум её основам: защита православной веры в её догматах и почитание института церкви и священства. Для Соборного уложения было характерно двойственное отношение к симфоническим церковно-государственным традициям. С одной стороны, закреплялась неприкосновенность догматов православной веры (гл. I), т.е. защита 1-й основы, а с другой — нарушение 2-й основы — «почитания священства и церкви» (гл. гл. XII, XIII, XVII, XVIII). В этом контексте важно обратить внимание на неоднозначную трактовку учеными и богословами защиты в Соборном уложении 1-й основы симфонии властей. Если архиепископ Серафим Соболев категорически утверждал, что в уложении «первая основа — догматы православной веры остаются неприкосновенными царской властью» [5, с. 451], то советский ученый С. И. Штамм придерживался другой позиции, согласно которой все перепутывалось до наоборот. Он утверждал, что «Уложение берет под защиту не столько вероучение христианской церкви, сколько саму церковь как свой «идейный штаб», а из 9 статей первой главы только 1-я статья «охраняет в самой общей форме основы христианского вероучения, все остальные носят сугубо конкретный и в значительной мере светский характер» [6, с. 258]. Согласно его взглядам, нарушалась именно 1-я симфоническая основа, а 2-я защищалась уложением. Чем было обусловлено столь противоположное понимание документа: умышленной фальсификацией, незнанием и игнорированием фактов или мировоззренческой позицией? Представляется, что именно последнее определило такой подход С. И. Штамма, который при анализе уложения не учитывал концептуального симфонического церковно-государственного взаимодействия, которое тогда не признавалось и исключалось официальной марксистско-ленинской идеологией. Тогда как в документе четко была прописана именно защита православного вероучения без какого-либо посягательства на его догматику (гл. I). Соборное уложение по сравнению со Стоглавом более детально разработало преступления против религии и поставило их на первое место в системе государственного законодательства, что соответствовало

симфоническим принципам. Это было четко отражено в гл. 1 «О богохульниках и церковных мятежах», где закреплена защита 1-й основы симфонического правления. В ст. 1 введено понятие богохульства, что означало неверие в Бога, оскорбление словами и действиями Иисуса Христа, Пресвятой Богородицы, «честный крест» и всех святых и являлось посягательством на основы православного учения. Наказанием за богохульство являлась квалифицированная смертная казнь — сожжение, которое следовало при полном подтверждении вины. Ст. 1 гласила: «Да будет същется про то допряма, и того богохульника обличив, казнити, зжечь» [6, с. 85]. Согласно ст. 2, за церковный мятеж, нарушение литургической службы следовала высшая мера наказания — смертная казнь. Доказав вину («сыскав про него допряма»), следовало «казнити смертию безо всякия пощады». Речь шла о квалифицированной казни: сожжение, колесование, четвертование. Для сравнения, Стоглав указывал только простой вид смертной казни — отсечение головы. Статья 4 указывала: если кто в церкви учинит драку и убьет кого, то убийцу «по сыску самого казнити смертию же» [6, с. 85]. Наконец, в ст. 9 отмечалось, что если кто во время литургии «учне государю, или патриарху, или иным властем, в церкви божию во время церковного пения, о каких своих делех бити челом, и того челобитчика за то вкинуть в тюрьму, на сколько государь укажет» [6, с. 86]. Все вышеизложенное в уложении свидетельствовало о защите православной веры как 1-й симфонической основы.

В контексте поставленной проблемы возникает вопрос, а можно ли соблюдать или нарушать симфоническое правление наполовину и будет ли это соответствовать симфонии? Однозначно и сразу ответить сложно. Логически возникает следующий вопрос: является ли одна из двух указанных основ приоритетной? Если 1-я основа — главная, тогда нарушение 2-й основы не будет определяющим и значимым для последующего развития, на что тогда и не стоит обращать особого внимания. Однако ни в первичной формулировке теории симфонии властей, ни в её последующих законодательных интерпретациях какого-либо приоритета не содержится. Тогда возникает ещё вопрос: нарушив в одном направлении, можно ли считать, что нарушилась вся симфоническая система в целом? Ведь именно такой вывод и сформулировал, ссылаясь на апостольские учения, Серафим Соболев, считавший, что нарушение 2-й основы симфонии властей «непреренно влечет к нарушению в целом всей теории симфонии» [5, с. 451]. Можно ли подтвердить или опровергнуть такой вывод, ссылаясь только на Соборное уложение? В самом документе прямых ответов на эти вопросы нет, однако имеется прямое доказательство как её соблюдения, так и нарушения, что явно позволит определить степень их соотношения и действия.

Структурно нарушения 2-й основы, зафиксированные в документе, касались двух сфер: ограничение церковного суда и церковного имущества, что в свою очередь свидетельствовало о прямом нарушении святы канонів.

Усиление царской власти проявлялось, прежде всего, в ограничении сферы церковного суда.

Во-первых, ограничения касались подсудности духовенства и зависимых от церкви людей, которые согласно XIII главе уложения «О монастырском приказе» должны были судиться по основным делам в государственном, а не в церковном суде. Для усиления государственного влияния над церковью в 1649 г. было создано специальное государственное учреждение — Монастырский приказ, судьи которого назначались и увольнялись царем без согласия церкви, и был абсолютно независимым от церкви.

Так, в ст. 1 гл. XIII отмечалось, что «ныне государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси ... указал Монастырскому приказу быть особно, и на митрополитов, и на архиепископов, и на епископов, и на их приказных и дворовых людей, и на детей боярских, и на их крестьян, и на монастыри, на архимаритов, и игуменов, и на строителей, и на келарей, и на казначеев, и на рядовую ратью, и на монастырских слуг, и на крестьян, и на попов, и на церковный причет, во всяких исцовых исках суд давати в Монастырском приказе» [6, с. 158]. Для сравнения, в Византии духовенство должно было судиться только церковными судами, а не гражданскими. Это касалось как уголовных, так и гражданских дел.

Во-вторых, обнаруженные в статьях уложения противоречия подтверждают стремления законодателей ограничить власть патриарха в судебной сфере. Согласно уложению, юрисдикция Монастырского приказа не должна была распространяться на патриарших людей, а также «на всяких чинов людей, которые живут в патриарших домовых вотчинах», подсудность которых определялась гл. XII, ст. 1 уложения, где указывалось, что «судные дела слушает и указывает патриарх» [6, с. 157]. Если данная статья прямое посягательство на власть патриарха в судебной сфере не содержит, то уже следующая выражала явное вмешательство со стороны царской власти. В ст. 2 определялась ответственность лиц, которые осуществляли правосудие в патриаршем суде. В статье указывалось, что в случае если «патриаршие приказные люди в каком деле правого обвинят, а виноватого оправят по посулом или по дружбе, или по недружбе», тогда «спорные дела ис патриарших приказов вносить к государю и ко всем бояром» [6, с. 157]. Это касалось судебных нарушений, вызванных взяткой, дружественными или враждебными отношениями к одной из сторон. Дела, решенные в патриарших приказах, к которым относились Казенный и Судный, а также Дворец и Разряд, можно было обжаловать в государевом суде. В той же статье отмечалось, что «патриарши судьи кого обвинят не по делу, и тем патриаршим судьям за их неправду указ чинить, против того же, как указано о государевых судьях» [6, с. 157]. Высшей апелляционной инстанцией в отношении церковного суда, кроме дел духовной подсудности, являлся не Патриарший двор, а Боярская дума и царь. Для сравнения, в Судебнике 1550 г. подобных указаний нет. В Византии апелляции на решения патриарха, как и на решения императора не допускались.

В-третьих, рассматривая соотношение государственного и церковного суда, можно констатировать, что государственный суд становился выше церковного. Подтверждением являлся вопрос о подсудности в случаях, когда стороны подсудны различным судам. Например, в ст. 3 подсудность дела тому или иному суду определялась по ответчику, а именно: «а которые митрополиты ... учнут в котором приказе искати всяких чинов на людей, а ответчики после его ответу учнут по челобитным на тех исцах искати своих исцовых дел, ... по их исковым челобитным, суд давати в тех же приказах, против их ответчных челобитех» [6, с. 158]. Иск подавался в суд, которому был подсуден ответчик, а встречный иск ответчика к истцу рассматривался в том же суде, что и основной. Это свидетельствовало о том, что церковные люди могли судиться и не в церковном суде. И, наоборот, согласно ст. 1 в церковный суд могли обращаться люди, не относящиеся к духовенству.

Таким образом, вышеизложенное однозначно свидетельствовало, с одной стороны, о существенном ограничении церковного суда, а, с другой, о явном преимуществе государственного суда, что не соответствовало принципам симфонии.

Нарушения в судебной сфере напрямую касались ограничения власти патриарха, что явно искажало диархическое правление.

Следующие нарушения касались регулирования имущественных отношений. В законодательстве, начиная с Кодекса Юстиниана (131-я новелла) и основных документов Византии (Эклоги, Эпанагоги, Синтагмы Властара и др.) и России (Кормчие книги, уставы св. Владимира и Ярослава, Судебники, Стоглав), закреплялось уникальное соотношение законов и церковных канонов. Они имели такую же силу в государстве, что и государственные, которые в свою очередь не должны были противоречить канонам.

Право церкви на своё имущество закреплялось святыми канонами как неприкосновенное и неотчуждаемое (например, 24-е правило IV Вселенского Собора, 49-е правило VI ВС, 2-е правило VII ВС). Более того, его оберегали как византийские, так и русские правители, даже издавая особые законы. Например, в уставах св. Владимира и Ярослава предавались проклятию любые посягатели церковного имущества: «Кто преступит из детей моих или потомков и захватит церковное достояние... да будет проклят в сей и будущий век» [5, с. 516].

В церковной политике государства проявились негативные тенденции в решении вопроса о церковных вотчинах. Во-первых, в ст. 42 XVII гл. уложения «О вотчинах» вводился строгий запрет дальнейшего роста церковного имущества посредством приобретения всех видов вотчин духовенством и монастырями. Запрещалось какое-либо отчуждение вотчин: покупка, заклад, дарение и завещание на пользу монастырей и церкви. Характерно, что запрет приобретения вотчин распространялся не только на монастыри, но и на высших церковных иерархов, в том числе и патриарха. Попытки установить контроль над церковным имуществом со стороны государства предпринимались и ранее. Например, в Приговоре церковного Собора 1581 г. устанавливалось законодательное запрещение покупать вотчины только монастырям, а также закладывать вотчины в монастыри «по душе». Это запрещение было не единственным. Однако фактически они не осуществлялись. Согласно ст. 42, царь указал и «собором уложили: впредь с нынешнего уложения патриарху, митрополитом, и архиепископам, и епископам, и в монастыри ни у кого родовых и выслуженных и купленных вотчин не покупать и в заклад не имати, и за собою не держати, и по душам в вечный поминок не имати некоторые дель». За нарушение запрета имущество безвозмездно отбиралось в пользу государства. И далее отмечалось: «а будет кто с сего уложения вотчину свою родовую, или выслуженную, или купленную продаст, или заложит, или по душе отдаст патриарху, или митрополиту, или архиепископу, или епископу, или в который монастырь, и та вотчина взятии на государя безденежно» [6, с. 188]. Во-вторых, несмотря на то, что в этой статье говорилось не о лишении прав собственности духовенства или монастырей, а только о прекращении расширения церковных землевладений, уже в ст. 1 XIX гл. «О посадских людях» открыто предусматривалось такое лишение, устанавливая отчуждение церковных вотчин, которые находились в Москве и ее округе. В ст. 1 указывалось: «Которые слободы на Москве патриарши и митрополити и владычни и монастырские и бояр и окольничих и думных всяких чинов людей... всех взятии за государя в тягло и в службы безлетно и безповоротно. ... А впредь, опричь государевых слобод, ничим слободам на Москве и в городах не быть» [6, с. 200–202]. В-третьих, имущественные ограничения особо касались патриарха, что ранее не только не допускалось, но законодательно защищалось. В Соборном уложении напротив

содержались нормы, согласно которым требовалось «у патриарха слободы взятии совсем. . . А которые слободы патриаршие и монастырские и боярские и думных и всяких чинов людей около Москвы по тому же по сыску, взятии за государя» [6, с. 202]. Монастырский приказ получил право устанавливать контроль над церковным имуществом, вмешивался в вопросы его конфискации. Фактически в его действиях проявлялось явное нарушение основ симфонии — защита церковного имущества. Поэтому отобрание церковного имущества можно считать нарушением святых заповедей, святых канонов и соответственно святотатством, а это уже относится к прямому нарушению 1-й основы симфонии властей. Так можно объяснить вышеизложенное утверждение о том, что нарушение 2-й основы неизбежно ведет к нарушению симфонии в целом.

Патриарх Никон выступил против этого нарушения, став на защиту симфонии властей. Он добился временной остановки деятельности Монастырского приказа. В Разорении (1664 г.) он указывал, что действия Монастырского приказа были направлены на ликвидацию самостоятельности церкви, даже на захват церковной власти со стороны государства с нарушением святых канонов.

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, можно констатировать, во-первых, о фактически сложившемся кризисе симфонии властей, который возник вследствие нарушений симфонических церковно-государственных отношений, законодательно закрепленных в Соборном уложении. Причем нарушение 2-й основы симфонии властей неизбежно вело к нарушению всей системы в целом. Во-вторых, многочисленные ограничения власти патриарха в разных сферах разрушили равенство и балансирование государственной и церковной властей и фактически исказили диархический характер их отношений, что привело к серьезным последствиям: ликвидации самого института патриаршества (в 1721 г.) и уничтожению монархии (в 1917 г.). В-третьих, Соборное уложение законодательно закрепило процесс усиления царской власти, что и привело к многочисленным и серьезным нарушениям симфонии властей. Однако, несмотря на эти нарушения, всё еще существовала возможность сохранять национальные основы государственного развития, хотя и ненадолго.

Представляется, что и современные кризисные проблемы России и Украины, возникшие в том числе из-за попыток европеизации, связаны непосредственно с возможностью обращения к исторически традиционным государственно-правовым идеям, основу которых составляет симфония властей. Сегодня Украина ещё более приблизилась к восприятию этой проблемы.

1. Вернадский Г. В. Византийские учения о власти царя и патриарха / Г. В. Вернадский // Сборник статей, посвященных памяти Н. П. Кондакова. — Прага, 1926. — С. 144–154.

2. Острогорский Г. А. Отношения церкви и государства в Византии (Доклад, прочитанный на V съезде русских ученых в Софии) // Seminarium kondakovianum. — Вып. 4. — Praha, 1931. — С. 122–132.

3. Седых Т. Н. Теория «Симфонии властей»: история и современность / Т. Н. Седых // Вестник МГУ. — Серия 12. — Политические науки. — 07.2008. — № 4. — С. 31–37; Черных В. Д. Особенности взаимоотношений русской православной церкви и государственной власти в период идейного кризиса Московского царства [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gramots.net/>; Малер А. Возвращение к Симфонии [Электронный ресурс]. — Режим доступа:

- <http://www.apn.ru/publications/article1539.htm>; *Костокрызова Л. Ю.* Симфония властей в Византии: опыт взаимоотношения государства и Церкви / Л. Ю. Костокрызова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.Bogoslov.ru/text/1609881.html>; *Козьякова Н. С.* Отношения церкви и государства в общественно-политической мысли Византии и России / Козьякова Н. С. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.evestnik-mgou.ru>.
4. *Лещенко І. І.* Теорія «симфонії влад»: джерела та наступність / І. І. Лещенко // Правничий часопис донецького університету. — 2008. — № 1(19). — С. 92–98; *Лещенко І. І.* Порушення симфонії влад у Росії в другій половині XVII ст.: основні причини та наслідки / І. І. Лещенко // Історичні і політологічні дослідження. — 2008. — № 3–4(39–40). — С. 212–217.
5. *Архиепископ Серафим (Соболев).* Об истинном монархическом мирозозерцании. — М.–СПб.: «Лествица», 2002. — 543 с.
6. *Российское законодательство X–XX веков.* В девяти томах / Под ред. О. И. Чистякова. — М.: Юрид. лит., 1985. — Т. 3. — 510 с.